

УДК 39(=1.551.3)(571.65)
ББК 63.52(251.1),02
Х 275

Монография подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного
научного фонда (проект РГНФ 15-41-93032)

Утверждена к печати Ученым советом СВКНИИ ДВО РАН

Ответственный редактор канд. ист. наук *А. И. Лебединцев*

Рецензенты: докт. ист. наук *В. В. Доржиева*; канд. ист. наук *О. П. Коломиец*

Х 275 Хаховская Л. Н.

Культура этнолокального сообщества (коряки села Верхний Парень) /
Л. Н. Хаховская, [отв.ред. А. И. Лебединцев]. — М.; СПб.: Нестор-История,
2018. — 280 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1474-6

Представлена культура одной из самых интересных и самобытных группировок коряков — жителей села Верхний Парень. Эта западная группа коряков испытала влияние ряда контактных этносов, что наложило яркий отпечаток на ее культурный облик. Говоря об этой группе, автор освещает некоторые крупные проблемы сибиреведения: происхождение и формирование коряков, генезис чукотско-корякского оленеводства. Используя фактический материал, автор знакомит читателя с некоторыми теориями и концепциями, сложившимися в этнографии (социокультурной антропологии) в нашей стране и за рубежом. Источниковую базу составляют полевые исследования, архивные материалы, вещественные коллекции.

Актуальность работы заключается в популяризации научных знаний, привлечении внимания общества к культурному многообразию нашей страны, умению понимать жизнь и поведение людей иной этнической принадлежности. Научная новизна состоит во всестороннем этнографическом описании этнолокального северного сельского сообщества в контексте его повседневной жизнедеятельности, социальных взаимодействий и культурных практик. Издание предполагает широкую аудиторию читателей, а также будет интересно специалистам, работающим в области этнологии, музееведения, преподавания региональной истории.

Книга способствует сохранению и пропаганде культурного наследия народов России. Она будет интересна и представителям самого аборигенного сообщества, так как наглядно показывает самобытную, но уходящую из жизни культуру, которую многие из них знают уже только по литературе и музейным экспонатам.

ISBN 978-5-4469-1474-6

9 785446 914746

© Л. Н. Хаховская, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Monograph is prepared with the support of the grant of Russian Foundation
for Humanities (project RFH 15-41-93032)

The Editor: Dr. *A. I. Lebedintsev*

Reviewed by: Drs *V. V. Dorzheeva, O. P. Kolomiets*

Khakhovskaya L. N.

Ethnolocal Community Culture (Koryak of Verkhonii Paren` Village) /
L. N. Khakhovskaya, [ed. A. I. Lebedintsev]. — M.; SPb.: Nestor-Historia, 2018. —
280 p., il.

ISBN 978-5-4469-1474-6

The culture of one of the most fascinating and original group of Koryak people is presented: inhabitants of Verkhonii Paren' village. This west group of Koryak people experienced an influence of a set of contact ethnos, which imposed a significant mark on its cultural shape. Speaking about this group, the author accessibly reviews some serious issues of Siberia researches: the origin and standing of Koryak people, genesis of Chukotsky-Koryak herding. Using factual material, the book also offers a reader to learn about theories and concepts formed in ethnography (sociocultural anthropology) in our country and abroad. The source base is presented with field researches, archive materials and substantial collections.

This work's relevance in science is popularization, attraction of wide circle of society to the cultural diversity of our country, ability to learn and understand the behavior of people of other ethnical society. The scientific freshness is about the all-round ethnographical description of local north village community in a context of its everyday life, social connections and cultural practices. The edition is supposed to be a matter of interest for a wide range of readers and also for specialists, working in areas of ethnography, museology and teachers of local history.

The very important part is that the book supports preservation and propaganda of cultural heritage of Russian ethnos. It also provides interest from the side of aboriginal society itself by presenting original, though disappearing culture, which is familiar to them only through literature and museum exhibits.

Введение

Малочисленные коренные народы, проживающие на российском Севере, независимо от их хозяйственных занятий и связанного с ними образа жизни, со времени вхождения в состав Российского государства становятся носителями локальных культур, так как магистральную¹, интегрирующую роль берет на себя проникающая европейская (российская) цивилизация. Тем самым расторгаются прежние взаимоотношения и связи между северными сообществами, которые эта магистральная культура постепенно обтекает, как вода островки. И чем выше интеграция северных регионов в общероссийский экономический, социальный и культурный контекст, тем меньше остается таких островков этнокультурной самобытности.

В этой книге я хочу рассказать о коряках, проживающих в маленьком далеком селе Верхний Парень, которое находится на Крайнем Севере. Повседневная жизнь этой группы коряков непривычна для большинства россиян, их взгляды на окружающий мир не совсем такие, как у многих жителей нашей страны, а некоторые их верования и обряды покажутся совершенно поразительными. Все это потому, что верхнепареньцы — наследники разных культурных традиций, эти традиции прошли отбор через сито времени и сейчас своеобразно сочетаются друг с другом, образуя неповторимый облик этнолокальной группы. Те события, которые в последнее время происходят в нашей стране, также не могли не отразиться на жизни верхнепареньцев, своеобразно преломившись в их поведении, сознании, культуре.

Описать эту уникальную культуру непросто. В распоряжении этнографа, конечно, достаточно инструментов, которые дают теория и методология, но теорий множество, поэтому всегда возникает

¹ Концепцию магистральных и локальных культур в российской этнологии разработал А. В. Головнев (2009а; 2009б; 2009в и др.).

вопрос — какого подхода придерживаться? Ведь даже такие, всем, казалось бы, понятные термины, как «культура», «традиция», «этнос», в разных научных концепциях трактуются по-разному; кроме того, приверженцы отдельных школ вводят собственные, нередко специализированные и малопонятные широкому читателю модели и определения.

Поэтому, рассказывая о коряках-верхнепареньцах, я хочу также показать многообразие теорий и концепций, выработанных за более чем 150-летний период существования науки этнографии, которую в последние годы в нашей стране называют также этнологией и социальной/культурной антропологией. Ни одна из этих теорий не является всеобъемлющей и окончательной, но многие хорошо описывают определенные аспекты этнической культуры, схватывают существенные моменты жизни этнического сообщества. В тех разделах, где это оправдано с точки зрения доступного и интересного изложения, материал будет представлен в свете той или иной антропологической концепции.

Книга основана на исследованиях, которые в течение ряда лет автор проводила в Северо-Эвенском районе Магаданской области. В 2011 и 2012 гг. полевые работы, благодаря которым была накоплена значительная часть материала, велись при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты РГНФ № 11-01-18096е «Современное северное село: трансформации в этническом природопользовании» и № 12-01-18041е «Организация жизнедеятельности современных кочевых сообществ Северо-Востока России»).

Автор считает данную книгу принадлежащей классической этнографии в трех аспектах научного познания: дисциплина, жанр и метод. Как научная *дисциплина*, этнография давно заняла место среди гуманитарных наук, обладает собственным объектом и предметом и, несмотря на современную социолого-антропологическую модернизацию, удерживает позиции достаточно прочно. Востребованность такого рода трудов непреходяща, так как они содержат первичные факты, которые служат основанием теоретических разработок разного уровня. Помимо этого, лучшие этнографические книги интересны самой широкой аудитории, порой они становятся бестселлерами и оказывают влияние на мировоззрение общества.

Жанр этнографии характеризует отсутствие выраженной теоретической рефлексии при описании народов и культур. Такая форма научной репрезентации предполагает детальный фактологический подход и довольно свободный стиль. Постороннему взгляду даже покажется, что это внетеоретический, исключительно описательный способ изложения материала. На деле это не вполне так. Сосредоточенность на повседневности не избавляет от проблем дискурсивной референции и методологической фундированности.

Этнограф, пишущий в данном ключе, явно или неявно придерживается определенных взглядов на сущность и природу этнических процессов. Если говорить наиболее обобщенно, в настоящее время основной вопрос этнографии заключается в следующем: каков источник этнического развития? За счет каких сил, внутренних или внешних, объективных или субъективных, формируются и распадаются этносы? После целого ряда постмодернистских и деконструктивистских работ общим местом стал взгляд на этносы (в постмодернистской терминологии — этничность) как на сферу и результат бесконечных и разнонаправленных взаимодействий и интерпретаций. Но, даже принимая этот подход, ученые обычно пишут так, как если бы на некоей временной глубине существовала «настоящая» (традиционная) этническая культура, в которой эти влияния уже не прослеживаются. Конечно, это неслучайно. Этнограф нуждается в «точке отсчета», своеобразном эталоне, позволяющем опознавать изменяющиеся культурные традиции и диагностировать их в настоящем.

Метод этнографии, создавший жанр этой науки и саму дисциплину, состоит во включенном наблюдении, иначе говоря, участии в жизни наблюдаемого сообщества, которое (участие) может быть различной степени погруженности и продолжительности. С точки зрения метода познания проводить включенное наблюдение означает попытаться поставить себя на место другого, посмотреть на мир его глазами. Такое полевое этнографическое исследование характеризуется индивидуализированными методами получения информации и чувствительностью к уникальности наблюдаемого жизненного опыта. Идеальным объектом при такого рода полевой работе являются изолированные сообщества, описание которых

входит в корпус классических этнографических текстов и может быть интерпретировано как своего рода «островная» этнография.

Изоляция, как правило, сопровождается географической и, главное, культурной удаленностью, поэтому такие сообщества вызывают повышенный интерес исследователей и широкой публики. Повседневная жизнь и рутинные взаимодействия членов этих сообществ несут на себе отпечаток групповой специфики, для восприятия которой внешний наблюдатель должен задействовать ту оптику, которую можно определить как **этничность**, то есть чувство принадлежности определенному народу, в равной степени присущее и членам наблюдаемого сообщества, и наблюдателю.

Итак, перед вами этнографическое описание локального северного сельского сообщества в контексте его повседневной жизни, социальных взаимодействий и культурных практик. Основу моего исследования составили этнографические, качественные методы сбора данных — включенное наблюдение, которое сочеталось с разносторонними интервью, беседами, аудио- и видеофиксацией объектов наблюдения. Вспомогательными методами являлись исследования документальных, изобразительных и вещественных источников, хранящихся у частных лиц, в архивах и музеях.

В советской историко-этнографической научной традиции существовали монографические исследования сельских сообществ, например многолетний проект «Село Вирятино в прошлом и настоящем». В последние десятилетия объектность и тематика антропологических работ в значительной мере сместилась на урбанизированную среду и постмодерные вопросы, оставив прежние объекты в тени. Между тем сельские сообщества не находятся вне ведущих тенденций развития, но они по-особенному переживают их. Данная книга призвана показать эти процессы в ежедневной жизни и коммуникации людей, обладающих культурным опытом, отличным от опыта преобладающего общества. Она погружает читателя в мир далекого сельского сообщества, увиденный глазами этнографа. Впервые описаны многие корякские ритуалы и обряды, особенности мировоззрения этнолокальной группы коряков-верхнепареньцев. Я старалась также представить голоса «других» — то есть жителей села, которые размышляют о собственной

жизни, о повседневных заботах, о материальном и нематериальном наследии своих предков.

Выражаю глубокую признательность всем жителям села Верхний Парень, которые оказали мне гостеприимство и поделились своими знаниями и опытом. Неоценимую помощь при создании этой книги оказал Игорь Евгеньевич Воробей, за что его искренне благодарю. Приношу благодарность за консультации японской исследовательнице Мэгуми Куребито. Кроме того, оба они, а также бывший сотрудник СВКНИИ ДВО РАН Павел Павлович Павлов, разрешили использовать собственные фотоматериалы. Моя искренняя признательность научному редактору Александру Ивановичу Лебединцеву, рецензентам Виктории Владимировне Доржеевой и Оксане Петровне Коломиец.

Глава 1. Верхнепареньская этнолокальная группа

1.1. Загадка происхождения коряков

Вначале познакомимся с коряками — это поможет понять, благодаря чему верхнепареньцы воплотили в себе многие яркие черты этого северного этноса. К тому времени, когда русские землепроходцы пришли на Крайний Северо-Восток (середина XVII в.), коряки делились на две хозяйственно-культурные группы — кочевников-оленоводов (этническое наименование *чавчувены*) и оседлых морских зверобоев (их называют *нымыланами*). Оленоводы кочевали со стадами во внутренних районах Камчатки и на прилегающих материковых территориях, а зверобои жили на побережье Охотского моря, на восточном и западном берегах Камчатки.

По численности группы в этот период оказались неравными: оседлых коряков было значительно больше, чем кочевников, — доля последних в общей массе коряков (почти 13 тыс. чел.) не составляла и пятой части (их насчитывалось примерно 2,4 тыс. чел.) (Гурвич, 1966. С. 52, 275). Так что в это время корякская культура воспринималась преимущественно как береговая, промыслово-зверобойная, а не оленоводческая. Неслучайно петербургский лингвист и этнограф А. А. Бурькин пришел к выводу, что общепринятое название (этноним) «коряки» по исходному значению (этимологии) означает не «оленовод», «богатый оленями», как думали прежде, а, напротив, «безоленный», «не имеющий оленей», то есть береговой житель, живущий за счет ресурсов моря (Бурькин, 2013. С. 30, 37, 241).

Более того, археологи, изучающие далекое прошлое нашего края по материальным остаткам, обнаружили на Охотском побережье многочисленные древние селения морских зверобоев, которых в археологической дисциплине принято считать предками

коряков (носители токаревской и древнекоряжской археологических культур). Ученые установили, что границы существования токаревских селений простираются от эпохи палеометалла до раннего железного века (I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.). Но они не нашли почти никаких свидетельств древней жизни коряковоленоводов. Поэтому если взглянуть в исторической ретроспективе, то коряки-оленоводы предстают перед нами только в этнографическое время¹ как бы в «готовом», уже сложившемся облике, и этот облик они пронесли практически в неизменном виде вплоть до наших дней.

Единственной сколько-нибудь ощутимой нитью, связывающей носителей ископаемых культур с оленеводами этнографического времени, является галечная индустрия каменных скребков-вкладышей, которая характеризуется грубой и минимальной обработкой сырья. Скребки мастерили из крупных сколов с галек-валунов; полученный в результате скалывания острый край использовали как рабочее лезвие, подправляли зачастую лишь пяточную часть, подгоняя ее под размер паза в двуручной коромыслообразной рукояти. Такие двуручные скребки (струги) коренные жители до настоящего времени используют для обработки шкур. Массовое появление грубых скребков-вкладышей на Крайнем Северо-Востоке прослеживается в позднем средневековье (XIV–XV вв.) — например, на экспозиции «Люди Земли и Моря» Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ) можно увидеть найденный на оломонской стоянке Геодезическая-11 комплекс крупных скреб-

¹ *Этнографическое время*, согласно принятым в дисциплине представлениям, начинается со времени накопления документальных и иных свидетельств европейцев о неевропейских народах, в нашем случае это середина XVII в. Конец этнографического времени как таковой возможен лишь в случае полного смешения и неразличения этнических подразделений со стороны внешних наблюдателей, что едва ли произойдет на нашей планете. Но в целях показа этнической динамики верхний предел этнографического времени условно можно обозначить как 60-е гг. XX в., или середина текущего *новейшего времени*. В это время идет мощный процесс изменения аборигенных этнических культур в сторону их европеизации и русификации.

ков примитивного облика. Считается, что наличие скребков связано с необходимостью обрабатывать большое количество шкур, а это косвенным образом свидетельствует о переходе к одомашниванию (доместикации) северного оленя.

Острыми каменными скребками вели первичную обработку шкур — снятие подкожного жира и клетчатки, а далее в ход шли скребки уже иной специализации — с тупым обработанным рабочим краем, которыми размягчали мездровую поверхность (бахтарму). Каменная скребковая индустрия у коряков доживает до наших дней, но происходит избирательная переспециализация — когда появился металл, то первичная обработка так и осталась за каменными инструментами — ничего лучшего изобрести не удалось, а вот вторичную обработку стали вести железными вкладышами. Данный пример показывает удивительную пластичность культур аборигенов Севера, которые легко переходят на использование, говоря современным языком, технических и технологических инноваций, сохраняя приверженность и устоявшимся навыкам. Эту пластичность, приводящую ко все большей фрагментированности, мозаичности и гибридизации культурных форм, мы много раз будем проследживать у коряков-верхнепареньцев.

Новая история² для береговой подразделения корякского этноса сложилась неблагоприятно. Если в древности их поселения располагались в любых удобных для промысла бухтах, устьях рек и речушек, то на протяжении этнографического времени корякский этнос переживает существенную смену вектора развития, которую можно назвать поворотом от морского берега в тундру. Прежде всего, это изменение демографии — за два с половиной столетия общая численность коряков сократилась почти вдвое, и произошло это исключительно за счет береговых групп, тогда как число кочевников хоть немного, но выросло. К 1897 г., согласно данным первой (она же последняя) досоветской переписи, коряков в целом насчитывалось около 7,3 тыс. чел., в том числе оленеводов почти 3 тыс. чел. Несколько десятилетий спустя соотношение между береговой

² *Новая история (новое время)* в исторической периодизации подразумевает период от начала Великих географических открытий (рубеж XV–XVI вв.) до 10-х гг. XX в., когда начинается уже *новейшее время*.

и кочевой частями изменилось при сохранении общей численности этноса: первая советская (Приполярная) перепись 1926/27 гг. зафиксировала увеличение коряков-кочевников до 4 тыс. чел., численность оседлых уменьшилась — около 3,4 тыс. чел. (Итоги..., 1929)³.

В этнографическое время береговые группы коряков не только теряли в численности, но и покидали места прежнего обитания (рис. 2). Происходило это вследствие влияния сразу нескольких факторов, наложившихся друг на друга. Существенное значение имела неблагоприятная экологическая обстановка — шло уменьшение или даже исчезновение популяций крупных морских животных, что не позволяло добывать пищу в нужном количестве. Немалый урон приносили эпидемии. Эпидемии, конечно, возникали не сами по себе, их несли мигрировавшие люди — на корякские территории продвигались тунгусы-оленоводы и русские землепроходцы. Оседлые коряки не уступали места своего обитания без боя, и именно военные столкновения стали главной причиной ослабления береговых коряков.

Проникающие тунгусы-оленоводы сражались с оседлыми коряками за доступ к рыболовецким угодьям. Казалось бы, зачем оленеводам ловить рыбу? Ответ на этот вопрос заключается в малостадном и транспортном характере тунгусского оленеводства. Тунгусы, передвигавшиеся исключительно на оленях, животных берегли и в пищу не забивали. Зимой выручала охота — они добывали дикого оленя, лося, пушных животных (преимущественно белку, которая шла на обмен, в том числе на привозные продукты). Исследователь начала XIX в. Август Кибер, описывая тунгусов, отмечал: *«Дикий олень дает им одежду и пищу, домашний — их вер-*

³ Что касается последующих советских переписей, то деление на оседлых и кочевников теряет смысл в связи с переходом от бытового к производственному кочеванию. Общее же число коряков за советский период довольно значительно возросло — в 1989 г. их было 9242 чел. (Население..., 1990. С. 39; Демоскоп, электронный ресурс). Постсоветская перепись 2010 г. зафиксировала существенно меньшую численность коряков (7953 чел.), что, по-видимому, связано с официальным признанием и выделением этнической группы алыторцев, прежде считавшихся коряками (Всероссийская..., электронный ресурс).

ный слуга» (цит. по: Вагин, 1872. С. 286). А летом надо было искать другой источник пропитания, и таким источником стала нерестовая красная рыба — тихоокеанский лосось. Хотя охотские реки богаты лососем, конкуренция за места рыбной ловли была острой. В особенности тунгусы стремились выйти поближе к устьям рек, руководствуясь правилом — кто находится на устье, тот контролирует и всю реку. Именно поэтому тунгусы часто входили в контакт с русскими отрядами, продвигавшимися в том же направлении, и поддерживали их в военном отношении.

Россияне были заинтересованы в освоении новых территорий и контроле над сухопутными путями продвижения на Камчатку, один из которых проходил как раз по Охотскому побережью, месту обитания морских зверобоев. Коряки же оказывали сопротивление попыткам объясачивания, взятию аманатов и другим насильственным действиям со стороны пришельцев, что вело к жестоким столкновениям. Из-за превосходства в вооружении и военной организации русские отряды наносили береговым корякам большой урон. Новосибирский историк А. С. Зуев, говоря о сражениях русских с коряками, показал различие их военных тактик, обусловленное различиями в культуре и ментальности. «Диалог культур на поле боя» был таков, что русские держались стойко до самого конца сражения, а коряки лишь до того момента, пока их потери не превышали определенного уровня, после чего принимали решение отступить или сдаться. Они не были готовы к затяжным осадным боям, не отличались особым упорством и стойкостью в боях с русскими. «У аборигенов существовало представление о некоей критической цифре потерь, которые они могут понести в одном сражении, даже несмотря на то что боеспособным оставалось еще значительное число воинов. Если эта цифра достигалась, они считали бой проигранным, и тогда или “капитулировали” (кончая жизнь самоубийством), или спасались бегством» (Зуев, 2006. С. 37).

Жертвами военных действий становились не только мужчины — как видно из архивных документов, после «побития мужиков... женки и малые робята... сами друг друга прирезали». Речь идет о том, что домочадцы предпочитали смерть плену — корякские женщины убивали вначале своих детей, затем себя. Жуткие картины

порой открывались перед глазами русских служилых людей, захватывавших корякские острожки⁴: «...корякские женки, когда видят, что им от плену не спастись, то сперва закалывают детей своих, а потом сами колюцца, а более сие чинят старухи, ибо к тому случаю у них всегда малинкия ножички и заготавлиют. От чего в прежние времена и российским в плен мало женского полу и малолетних доставалось, а по поражении всегда нахаживали в юртах заколотыми» (Зуев, 2008. С. 41). Но коряки относились к смерти иначе: спокойно и даже положительно, что обусловлено их мировоззрением, взглядами на устройство Вселенной и место в ней человека. Как считают исследователи, коряки «ценили свою жизнь или жизнь сородичей не как таковую, абстрактно, вообще, а настолько, насколько ее условия и состояние соответствовали их представлениям о том, какой она должна быть» (Зуев, 2002. С. 161). К этим убеждениям коряков мы вернемся, когда будем говорить о духовной сфере.

До 50-х гг. XVIII в. береговые коряки сопротивлялись продвижению гарнизонов, восстанавливая сожженные острожки, укрываясь в труднодоступных местах. Русско-корякское противостояние на Охотском побережье отмечено своеобразной формой военных действий — сражениями на отпрядышах, которые русские называли также отъемными местами или камнями. Отпрядыши представляли собой крутые каменистые утесы вблизи берега, взойти на которые «пешую ногою» можно было в лучшем случае «по убылой воде» (в отлив) или в зимнее время по припаю (рис. 3, 4). На склонах коряки устраивали звериные ловушки — клепцы, пасти, самострелы; а вершины островков укрепляли заграждением из уложенных ярусами и связанных ремнями деревянных санок (нарт), которые вдобавок набивали камнями. Скрываясь за ним, вели стрельбу из луков и трофейного огнестрельного оружия — фузей. Но силы были неравны, русские отряды, хотя и несли урон, брали укрепления штурмом.

В. И. Иохельсон в 1901 г., во время Джезуповской экспедиции, записал корякское предание о сражении за Наяханский отпрядыш

⁴ В донесениях русских служилых людей поселения береговых коряков назывались острожками, то есть укрепленными пунктами, поскольку они были обнесены частоколом.

(рис. 5, 6), который представлял собой скалистый мыс с крутыми утесами с трех сторон, а более пологий спуск к реке защищался каменным валом. *«Предание говорит, что русских привели туда тунгусы, враждовавшие с коряками. Коряки упорно защищали подходы к селению [на отпрядыше]. Была зима, и они поливали склон водой, чтобы сделать его скользким. Но однажды ночью русские сковали острые железные шипы, подвязали их к подошвам своих меховых сапог и взяли штурмом укрепление. Много их погибло от стрел и камней, которые коряки скатывали сверху, но так как русских было много и у них было огнестрельное оружие, то они все-таки одержали победу. После этого корякские воины убили в домах всех женщин и детей, многие покончили с собой и только несколько человек спаслось, скатившись вниз к морю и дойдя по льду до Парени».* Во времена Иохельсона на Няяханском отпрядыше еще можно было видеть *«следы укрепленного поселка»* (Иохельсон, 1997. С. 103).

Сражения велись также на отпрядышах у западных и восточных берегов п-ова Тайгонос, на входе в Вархаламскую губу.

Вблизи уже разгромленного Вархаламского отпрядыша (каменя Мылхалал) осенью 1753 г. коряки-«изменники», убегая от русских, укрылись в «щели» (пещере), надеясь переждать опасность. Нападавшие подожгли у входа в пещеру травяные снопы, обильно политые нерпым жиром, в результате чего погиб корякский князец Меленку с 15 своими родственниками. Брат Меленку, вархаламский «ясашный князец» Чейвитка (Чевитка) Имлынгатов⁵, принимавший участие в строительстве Гижигинской крепости, вскоре «изменил» и стал видным руководителем восставших коряков (Окунь, 1935. С. 61). Об этих событиях повествуют рапорта тех лет: *«Воровские коряки, чачеб⁶ и юагири по всезлобному своему замерзелому намерению, желают на Гижигинскую, Таватомскую и Туманскую крепости оные разорить и людей русских побить».* Чевитка был одним из предводителей среди западных коряков, его

⁵ Согласно архивным документам за 1763 г., Чейвитка при крещении получил имя Семен Иванов (РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д. 11, л. 10). Позднее, по всей видимости, получил также прозвище Енисейский.

⁶ Чачеб — так русские документы середины XVIII в. обозначают оленных коряков. Этот этноним звучит также в вариантах чачибы, чавчувены.

«искоренению» или захвату придавали большое значение, но он сумел уцелеть.

В этот же период, пользуясь сумятицей военного положения, на оленных коряков активно нападают чукчи, отбивают оленьи стада, уводят в плен женщин и детей. Плененные женщины становились женами и наложницами, а мальчики — пастухами новообретенных стад. Массовый наплыв пленниц-корячек в чукотскую этническую среду вызвал к жизни две специфические культурные особенности, которые характерны только для чукчей, а именно особое женское произношение (чукчанки не произносили звуки [р] и [т/ч], заменяя их на [ц], то есть цокали) и семейно-брачный институт «товарищество по жене» *н'эвтумгын* (добровольный обмен женами) (Хаховская, 2016. С. 89).

Противостояние русских и коряков окончилось замирением последних в 1757 г., когда *«коряки, потерпев поражение и понеся значительные людские и материальные потери, пошли на установление мира с русскими. Русская сторона в свою очередь, отказавшись от военных акций, сделала ставку на мирные способы приведения коряков в подданство»* (Зуев, 2010. С. 394). Однако чукчи свои «воровские набеги» осуществляли еще не менее 20 лет, так что коряки продолжали искать спасения у русских военных гарнизонов. Вблизи Гижигинской крепости в 1770-х гг. концентрировалось немало оленных коряков с «каргинными табунами» (то есть стадами неездовых оленей). Когда угроза со стороны чукчей исчезла, гижигинские оленные коряки стали раскочевывать в бассейн Пенжины и на Камчатку.

Предания о былой вражде с чукчами и сейчас можно услышать от верхнепареньских коряков. Петр Михайлович Тынакъяв рассказал, что бабушка в детстве велела ему ловить как можно больше бабочек, растирать этих бабочек на ногах повыше коленей и при этом приговаривать: *«Мне быстроту и скорость, а чукче чтоб споткнуться!»* Петр так старался, что его штаны из дымленой ровдуги были черными от растирания. Также он припомнил, что тополовских коряков считали бывшими пареньскими оленеводами, бежавшими от чукчей на полуостров Тайгонос. Чукчи гнались за ними, но что-то спугнуло их на перевале, который с тех пор у коряков почитается как священное место, куда кладут жертвоприношения.

После замирения с русскими, которое произошло вскоре после строительства Гижигинской крепости, оседлые коряки, в особенности проживавшие в северо-восточной части Охотского побережья и Пенжинской губе, подверглись мощной ассимиляции со стороны народов-мигрантов (русских, реже тунгусов). В административном отношении данная территория входила в состав Гижигинского уезда (впоследствии округа), а сам округ входил в состав Охотской области (1783–1803 гг.); Камчатского управления/области (1803–1856 гг.); Приморской области (1856–1909 гг.); Камчатской области/губернии (1909–1926 гг.); в дальнейшем стал частью Пенжинского района Дальневосточного края (1926–1930 гг.); Пенжинского и Северо-Эвенского районов Дальневосточного/Хабаровского краев (1930–1953); Северо-Эвенского района Магаданской области (с 1954 г. по настоящее время).

В повседневную жизнь береговых коряков входили новые вещи, новые привычки, менялись их обычаи и поведение. Полностью обрусели оседлые коряки, проживавшие в охотских селениях Ямск, Наяхан, Туманы, Гижига: они растворились в новом этническом сообществе — охотских камчадалах и, как пишут в источниках, *«потеряли свое национальное лицо»*. Оленеводы глубинных территорий, мало соприкасаясь с пришельцами, наоборот, как бы законсервировали свою культуру, которая с этих пор становится своеобразным эталоном корякской самобытности. Вот и коряки-верхнепареньцы, которые в своем большинстве до недавнего времени были пастухами совхоза «Пареньский», происхождением необычных черт своей культуры обязаны оленеводческому прошлому. И только в последние годы у них произошел новый культурный поворот — из тундры на берег реки, от оленеводства к рыболовству и собирательству.

Итак, налицо два факта: культура оседлых коряков, имеющая столь богатую, подкрепленную артефактами историю, в современности как бы растворяется, тогда как оленеводческая культура, никак не отмеченная материальными остатками и потому археологически «невидимая», рождается буквально на глазах русских первопроходцев. Эти факты имеют следствием своеобразную корякскую этногенетическую контроверзу — невозможность

непротиворечивым образом решить вопрос происхождения этого этноса именно из-за его дуального, двойственного культурного облика.

Ученые высказывают диаметрально противоположные взгляды на этногенез коряков: одни считают, что своим происхождением они обязаны береговой культуре, а оленная от нее лишь отпочковалась. С такой точки зрения оленеводы — это бывшие морские зверобой, ушедшие в глубинные районы из-за перенаселенности берега и нехватки пищи во время демографических взрывов. В этой плоскости развивают свои концепции этнографы И. С. Гурвич (1983), Ю. Б. Симченко (1976), антрополог М. Г. Левин (1958), археологи Р. С. Васильевский (1971), А. И. Лебединцев (2008).

Другие, напротив, считают первичной кочевую культуру и видят в береговых группах бывших кочевников, которые, правда, в то время еще не обладали домашними оленями, а охотились на диких (Стебницкий, 2000. С. 71). В этом случае коряки совершенно неотличимы от чукчей. Например, этнограф И. С. Вдовин (1965) считал, что изначально и чукчи, и коряки были не пастухами-олленеводами и морскими зверобоями, а обитателями внутренней части континента — тундровыми охотниками и рыбаками. Примерно так же рассуждает археолог А. В. Пташинский: «...в XIII–XIV веках н[ашей] э[ры]... или несколько позже на Северо-Востоке появилась корякско-чукотская общность кочевников-скотоводов (олленеводов), которая ассимилировала, не всегда мирно, береговое оседлое население» (Пташинский, 2014. С. 73). Как изначально единое сообщество рассматривал чукчей и коряков этнограф и антрополог А. М. Золотарёв, но его мнение экзотично — он полагал, что эти кочевые группы отделились от азиатских эскимосов (Золотарёв, 1938).

Сейчас так, конечно, никто не думает, а предыдущие версии имеют сторонников, поскольку обладают сильными резонами. В то же время ни та, ни другая не свободны от противоречий, и дело тут как раз в ближайших соседях и родственниках коряков — чукчах. Эти два народа так же тесно связаны общими корнями, как, например, русские, украинцы и белорусы, их генетическая общность вне сомнения. Чукчи культурно гомологичны корякам, но отражены в них как бы зеркально. То есть чукчи также делятся на берего-

Оглавление

Введение.....	6
---------------	---

Глава 1. Верхнепареньская этнолокальная группа

1.1. Загадка происхождения коряков.....	11
1.2. Село Верхний Парень как зеркало российских модернизаций.....	25
1.3. Современное положение верхнепареньцев: «обитаемый остров».....	47

Глава 2. Сельская повседневность

2.1. Этнографическая триада: жилище, одежда, пища.....	68
2.2. Самообеспечивающее природопользование (рыболовы, собиратели, огородники).....	86
2.3. Уходящая натура: домашние олени и ездовые собаки.....	106

Глава 3. Российский фронтир как фактор этнолокализации

3.1. Этнокультурные сдвиги в ретроспективе и настоящем.....	126
3.2. Взаимодействия, структуры, идентичности.....	144

Глава 4. Духовная сфера: мир привычного и экстраординарного

4.1. Ритуал в актуальном и пережиточном контексте.....	165
4.2. Корякский шаманизм: мухоморы, бубны, костюмы.....	191
4.3. Пятидесятничество — проект этнического сплочения.....	214
4.4. Похоронный ритуал как этнокультурная традиция.....	234

Заключение.....	255
-----------------	-----

Литература.....	259
-----------------	-----

Список иллюстраций.....	269
-------------------------	-----

Список сокращений.....	276
------------------------	-----

Научное издание

Людмила Николаевна Хаховская

**Культура этнолокального сообщества
(коряки села Верхний Парень)**

Корректоры *М. А. Иванова, Т. В. Никонова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.11.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 17,25
Тираж 300 экз. Заказ № 1392

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28